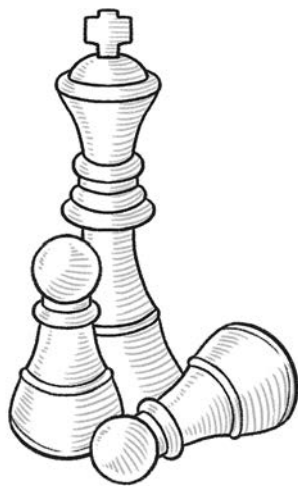

ЭТЮД В ЧЕРНО-БЕЛЫХ ТОНАХ

Бриджет Коллинз

Не остановись Мортон на том самом месте вытереть пот со лба, он не заметил бы черно-белого дома. А так он как раз поправил фуражку и перекинул ногу через велосипедную раму, когда заметил в стене ворота из кованого железа, а за ними — буквально на миг — нечто черно-белое. Видение было таким мимолетным, что Мортон едва осознал, что именно перед ним, — только то, что увиденное заставило привстать в седле, податься в сторону и заглянуть за металлические прутья. Сквозь пар своего дыхания он увидел дом: старый, деревянно-кирпичный, окруженный негусто засаженным садом-парком. Вид напоминал набросок перьевой ручкой: узкий брус в стенах дома, побелевшая от инея подъездная дорожка, симметрия обрезанных тисов и их длинных теней... Мортон встречал и другие дома вроде этого, но все ветхие, со скособоченными или наклоненными вперед щипцами, провисшими под тяжестью веков. Этот же стоял прямо, сохранив четкие линии и правильные углы. Однако, по всей видимости, новым он не был.

Мортон внимательно его рассматривал. Ему нравились порядок, правила, дисциплина, а этот дом с его отказом от компромисса, очевидным превосходством над силами

времени и тяготения заслуживал его одобрения. Мортон долго стоял, глядя сквозь прутья ограды. Тишина была необычная. Сад что-то ему напоминал, но что именно, он понял, лишь когда наконец сорвался с места и отъехал чуть дальше по дороге, да и то потому, что, обернувшись, увидел дом с другого ракурса — между рядами стриженных тисов, стоящих по разные стороны от широкой лужайки. Деревьям придали сложную, хорошо знакомую форму ладей, коней, слонов, короля и королевы, перед ними тянулись длинные ряды пешек. Летним днем картинка показалась бы забавной, но сейчас, в морозном безмолвии, она была завораживающе мрачной. Мортон качнулся на велосипеде и, сворачивая за угол, не без труда вернул себе равновесие. Дом напомнил ему набор для игры в шахматы: фигуры, доску, монохромный узор мороза и тени. По чистой случайности Мортон сделал такой вывод, еще не увидев топиария, если владелец сада именно к этому не стремился и не разбил сад именно с этим умыслом. Или все-таки нет — Мортон подумал, что мог разглядеть деревья за оградой и бессознательно провести аналогию. Вне сомнений, так оно и было.

Мортон согнулся над рулем и сильнее стал крутить педали, борясь с желанием повернуть назад. Поначалу казалось, что дом отдаляется, хотя каждый поворот колес требовал дополнительных усилий, но потом попался крутой холм, и пришлось выкладываться так, что других мыслей в голове просто не осталось. Солнце поднялось выше и стало светить Мортону в глаза из-за деревьев. Он почувствовал приятное тепло, а затем и голод. Маршрут по восьмерке привел его обратно в деревню, где он

планировал остановиться на ланч в известном старом трактире. Однако возвращался он другой дорогой и, когда наконец спешился у «Лебеда», думал лишь о пинте местного пива и порции кроличьего рагу или почек с приправами. Мортон вошел в трактир и, сняв фуражку и перчатки, сел у огня.

Лишь когда его одолела приятная усталость, перед мысленным взором снова встал дом. Мортон увидел стриженные тисы, выстроившиеся напротив друг друга через бледную лужайку. В своем воображении он легонько подтолкнул королевскую пешку, двигая ее вперед. Мортон любил шахматы и с удовольствием вспоминал победы над кузенами и сестрой, которая однажды в слезах швырнула доску через всю комнату и с тех пор отказывалась играть. Мало что доставляло ему такое удовольствие, как объявлять шах и мат или наблюдать, как палец противника в негодовании опрокидывает короля, признавая поражение. Мортон до сих пор грела мысль о победе в школьном матче: он играл с капитаном шахматного клуба, который вяло, с ненавистью пожал ему руку, прежде чем ретироваться поджав хвост. Мортону это очень понравилось.

— Что закажете, сэр? — спросил женский голос.

Захлопав глазами, Мортон заказал пинту пива, затем, после некоторого размышления, каре барашка. Еда, когда ее принесли, оказалась на удивление хороша. Полчаса спустя Мортон сидел в том же кресле, чувствуя себя сытым и довольным впервые за последнее время — с тех пор как внезапно покинул свое предыдущее место жительства после всплытия неких неприятных фактов. Обратном

в ипсвичский пансион было ехать миль пятнадцать, но Мортон удобнее устроился на стуле и попросил еще пинту пива. Когда служанка поставила перед ним стакан, Мортон, наблюдая, как отблески каминного пламени играют в янтарной жидкости, спросил:

— Вы, случайно, не знаете дом к востоку отсюда с топикарием в виде шахматных фигур?

Служанка замялась. Удивленный, Мортон поднял глаза и как раз успел заметить настороженность в ее взгляде.

— Вы о черно-белом доме, сэръ?

— Да, именно, — ответил Мортон. Разумеется, это описание подошло бы сотням домов, но почему-то он не сомневался: служанка понимает, о каком здании речь.

— Да, я его знаю, — отозвалась она и, воспользовавшись паузой, отвернулась.

Вот это дерзость!

— Кто им владеет? — спросил Мортон, подаваясь вперед, чтобы задержать служанку, но при виде его вытянутой руки она вздрогнула и замерла.

— Никто из местных. Старик был последним.

— Но ведь такой дом наверняка кому-то принадлежит, — заметил Мортон, и служанка пожала плечами. — Тогда кто там живет?

— В данный момент — никто. — Служанка наклонилась, чтобы вытереть соседний столик и спрятаться от его взгляда.

В груди у Мортонна встрепенулось что-то странное.

— Так он пустует?

Девушка не ответила, и Мортон сделал глубокий вдох, сдерживая раздражение. В этих краях явно не привыкли

к образованной публике; похоже, куда чаще здесь обслуживают фермеров и крестьян.

— Мне очень хотелось бы посмотреть тот сад. Зайти, стало быть, на территорию и посмотреть.

— Думаю, ворота там закрыты.

— Да, я знаю об этом. Я просто подумал, что... Ладно, неважно! — Мортон откинулся на спинку стула и махнул рукой, отсылая служанку прочь. Та удалилась, не извинившись и не обернувшись.

— Дом сдается внаем.

Мортон вздрогнул. Голос — шелестящий, вкрадчивый — доносился из полутемного угла трактира, который сперва показался ему пустым. Сейчас Мортон увидел там сидящего за маленьким столиком человека.

— Что, простите? — спросил Мортон, подаваясь вперед.

— Я о черно-белом доме, — ответил незнакомец, не шелохнувшись, так что его лицо осталось во мраке. Лишь в тот момент Мортон понял, что зимнее солнце в трактир больше не проникает и день клонится к вечеру. — Извините, — продолжал он, — но не подслушать я не смог. Дом очень красивый, верно?

— Да, впечатление он производит, — отозвался Мортон.

— Если хотите его посмотреть, думаю, маклер вам поможет. Леттерман из комиссионерской конторы на площади. — Незнакомец неловко махнул рукой. Двигался он резко и судорожно, словно его тело удерживала веревка — иначе рассыплется. — Контора неподалеку от ратуши. Вам стоит поспешить: зимой они закрываются рано.

— Ясно. Да, ясно. — Неожиданно для себя Мортон поднялся, хотя буквально минуту назад, разморенный и сытый,

едва мог шевельнуться, а стакан с пивом был полон больше чем наполовину. Разумеется, он радовался новой информации и хотел навести справки в комиссионерской конторе; его спешка никак не относилась к блестящим глазам незнакомца и к тому, как роились и клубились тени у него за спиной. — Спасибо, — поблагодарил он.

— Не за что.

— Всего доброго. — Мортон потянулся за фуражкой и перчатками, уронил одну на пол, а наклонившись, чтобы поднять, увидел, что незнакомец сидит за шахматной доской. — А-а-а, вы тоже любитель, — проговорил он, понимая, что торопливые сборы выглядели неподобающе.

— Ну да-а, можно и так сказать, — с улыбкой отозвался незнакомец.

Возникла короткая пауза. При иных обстоятельствах Мортон задержался бы чуть дольше, чтобы со знанием дела поболтать, скажем, об относительных преимуществах дебюта королевской и ферзевой пешки. Вместо этого он снова сказал «спасибо» и поспешил на улицу, обрадовавшись, когда дверь закрылась и лицо обдул холодный ветерок.

Маклер — коротышка в очках и с потертым воротником — не мог скрыть, что удивлен вопросом Мортон, но, справившись с первым шоком, проговорил:

— Да-да, конечно. — Он с готовностью достал ключ. — Черно-белый дом... Конечно, да, он сдается внаем за разумные деньги. Весьма разумные. Вы что-нибудь еще у нас тут смотрели?

Мортон пояснил, что снял комнату в ипсвичском пансионе и до этого дня не хотел — даже не думал — арендовать дом. Он ожидал дальнейших вопросов — такое пояснение

рациональным не назовешь, — но маклер, разок вскинув брови, сказал:

— Да-да, конечно, — затем потянулся за шляпой и добавил: — Думаю, вам хочется его посмотреть.

Дом оказался ближе, чем думал Мортон, — на окраине деревни. Но когда маклер открывал ворота, солнце успело сесть за деревья, и сад погрузился в тень. В сгущающихся сумерках топиарий казался массивно-монолитным, будто из черного камня. Мортон замер, медленно оглядывая ряды по разные стороны от него. «Черные против черных», — подумал он, и волосы у него на затылке встали дыбом.

— Мистер Мортон! — позвал ожидающий у двери маклер. — Пойдемте!

Мортон встряхнулся.

— Извините, — проговорил он и поспешил вперед, чтобы прислонить велосипед к стене.

— Как видите, дом полностью меблирован, — сказал маклер. — Насколько я понимаю, нынешнего владельца он не интересует, поэтому все осталось так, как было при старом хозяине. Обстановка слегка старомодная, зато въезжать можно немедленно. При желании — хоть сегодня вечером! — Маклер визгливо хохотнул. — Сюда, пожалуйста...

В доме оказалось темно, потолки — низкие, мебель — старомодная, но не слегка — занимала столько места, что Мортону, следующему за агентом, пришлось ее огибать. Комнаты были длинные; широкие, многочастные окна в сумраке источали синеватый свет. Они прошли узкий коридор и поднялись по лестнице.

— На этом этаже жилые комнаты, — объявил маклер. Теперь он двигался быстро, не давая Мортону времени

осмотреться как следует. — Час уже поздний. Здесь мрачно. Не хочу вас торопить, но...

— Газ в доме есть?

— Нет, боюсь, только лампы. И свечи, конечно же. Если пользоваться газом, пропадет очарование старины, верно? — тон маклера не соответствовал словам; мужчина развернулся, протиснулся мимо Мортон и быстро спустился по лестнице. — Вы увидели достаточно?

Мортон замялся, осматривая сквозь приоткрытую дверь комнату, в которой стояли кровать с балдахином, зеркало, стол на витых ножках и подсвечники с оплывшими, полубогоревшими свечами. Но его внимание привлек вид на улице — длинные ряды шахматных фигур, ожидающих на лужайке. Оторвать от них взгляд было сложно.

— Да, — ответил он, — вполне достаточно.

— О, что ж, тогда, может быть, мы... — Маклер вяло махнул рукой. — Такой дом подойдет не каждому. Это понятно. Дома с историей зимой могут показаться угнетающими.

— Я снимаю дом.

— Ну и, конечно... — Маклер осекся. — Что, простите?

— Я снимаю дом, — повторил Мортон. Почему местные с таким трудом понимают простейшие предложения? — Вещи я получу к завтрашнему утру. Нам нужно вернуться к вам в контору? Я ведь должен что-то подписать?

— О, нет-нет, времени предостаточно. Сперва устройтесь... — запинаясь, ответил агент. — Мне... я рад, что дом вам подходит. Детали найма обсудим, когда вам будет удобно.

Мортон кивнул. Возникла небольшая заминка, потом, к некоторому своему недоумению, Мортон сообразил: маклер ждет его, чтобы вместе уйти.

— Я останусь здесь, — сказал он. — Ехать обратно к себе уже поздно. Я, наверное, могу поужинать в «Лебеде»?

— Разумеется, но...

— Вы ведь говорили, что при желании я мог бы въехать сегодня вечером.

— Да, говорил. — Маклер откашлялся. — Решать, конечно же, вам. Если заселиться не терпится... — Маклер протянул ключ. — Тогда до завтрашнего утра. Вы знаете, где меня найти. А если... — Маклер переступил с ноги на ногу и добавил: — А если за ночь вы передумаете... то к этому вопросу мы возвращаться не будем.

— Я уверен, что справлюсь, — заверил Мортон. — В гостиной растоплю камин.

— Хорошо. Ну, тогда спокойной ночи. — Маклер кивнул и исчез.

По коридору застучали его торопливые шаги, тяжело захлопнулась парадная дверь. Мортон подождал, давая маклеру время по подъездной дорожке выйти на главную дорогу. Потом он глубоко, с удовлетворением вздохнул: приятно чувствовать себя собственником. Как неожиданно, как удивительно! Мортон едва не рассмеялся, вспомнив, как увидел этот дом с дороги — неужели это было сегодня утром? — и вот он принадлежит ему, можно исследовать, подчинять себе...

За последние несколько секунд почти совсем стемнело, поэтому Мортон взял со стола подсвечник и зажег свечи. С ним Мортон стал обходить одну комнату за другой, огибая стулья с ножками в форме звериных лап и пыльные портьеры. Он брал книги с полок, открывал шкафчики и ящики столов. Маклер назвал дом «полностью меблированным»,

но Мортону, скорее, чудилось, что его оставили нетронутым, бросили в одно мгновение. В идеальном порядке была лишь одна комната в глубине дома — детская с аккуратным рядом игрушек, маленькой крикетной битой в углу, миниатюрной шахматной доской на банкетке и стопкой книг. Мортон замер на пороге, потом захлопнул дверь сильнее, чем следовало, и двинулся дальше.

Каждая вторая комната хранила следы старого хозяина: ничего столь очевидного, как недоеденная пища или недокуренная трубка на приставном столике, но были свечи, мыло на умывальнике, полотенце на перекладине... В гостиной обнаружился раскрытый номер журнала «Чесс плеерс кроникл»*, оставленный на диванном подлокотнике, словно читавший хотел отметить нужную страницу. Перед диваном, в затененном углу комнаты, стоял набор шахматных фигур, готовый к началу игры. Фигуры были каменные или из гагата и слоновой кости? Мортон взял пешку, ощутил ее масляную гладкость и аккуратно поставил на то же место перед ферзем. Потом, наверное, он найдет в «Кроникл» шахматную задачу и будет решать ее, пока сонливость не заставит отправиться на боковую. Задачи всегда давались Мортону легче, когда перед глазами у него были фигуры на настоящей доске. Он поправил пешку кончиком пальца, чтобы она встала точно в центр клетки, и отвернулся. Когда Мортон выходил из гостиной, у него вдруг возникло нелогичное чувство, что он забыл что-то сделать или совершил ошибку: оставил стакан там,

---

* «Чесс плеерс кроникл» — английский шахматный журнал, издававшийся в 1841–1862 годах (с перерывами) в Лондоне. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора и переводчика.*

где его легко уронить, задев по неосторожности, или не закрыл окно перед грозой. Уже в кухне, просматривая бакалею в буфетах, он понял, криво улыбаясь собственной причуде, что, как вежливый шахматист, должен был сказать: «Жадуб»*.

У Мортонна зуб на зуб не попадал. Первой задачей было притупить остроту холода. Глядя на огромную нерастопленную печь, Мортон был вынужден признать, что здесь нелучшее место для ночлега. Но потом он вспомнил, что по дороге сюда маклер упоминал приходящую служанку — вне сомнений, ее трудами объяснялось отсутствие пыли и паутины. Завтра он договорится о том, чтобы она привела дом в порядок, ну а пока Мортон даже наслаждался одиночеством и поисками в буфетах нужных вещей. Однажды в детстве после какой-то шалости он прятался несколько часов, с нарастающим удовольствием слушая, как в голосе матери появляется беспокойство, переходящее в страх. Он заставил маму звать его много раз, потом наконец вылез, упиваясь собственной властью. Неизвестно почему сейчас вспомнился тот случай, но на его лице появилась нехарактерная для него сухая гримаса, пока он разыскивал старые газеты на растопку, а затем опустился на колени, чтобы разжечь огромный камин в гостиной. Когда огонь разгорелся, Мортон сел на колени и глубоко, с удовлетворением вздохнул. Изначально он собирался поужинать в «Лебеде», но понял, что не проголодался, и сейчас, разведя огонь, не испытывал желания выходить

---

* «Жадуб» — транскрипция французского *j'adoube*, что в переводе означает «Я поправляю». Ритуальная фраза в шахматах, которую произносят, чтобы не попасть под правило «взялся — ходи». *Прим. авт.*

из дома в студеную ночь. Мортон поднялся, стряхнул пепел с брюк и подошел к окну. Раздвигая шторы, он замер, замороженный видом сада. Взошла луна, сделав лужайку серебристой, а деревья и их тени — глубоко-черными; под ее ледяным сиянием весь мир превратился в жемчуг и черное дерево. Пейзаж казался потусторонним, сверхъестественным — Мортон в жизни не видел ничего прекраснее.

Впрочем, он был не из тех, кто соблазняется чем-то столь неосязаемым, как красота. Шторы Мортон задвинул так резко, что закашлялся в облачке пыли и отвернулся от окна. Взгляд упал на графин с бренди, стоящий на серванте. Он принялся к напитку, сперва опасливо, потом с восторгом, и налил щедрую порцию в оказавшийся рядом стакан. Потом он устроился у камина — откинулся на спинку дивана и поднял подошвы ботинок к огню. Мортон поздравил себя: снять такой дом за минимальную плату... Бренди оказался превосходным, огонь нагревал воздух — после физической нагрузки утром и неожиданных событий днем закружилась голова. Тепло обвевало лодыжки, растекалось по гостиной, треску пламени вторили стон старых греющихся стен и гул воздуха в трубе. Потолочные балки зашептались: тепло добралось и до них. У Мортоня уже смыкались веки, как вдруг он уловил длинную цепочку ударов о пол, которые звучали все ближе и ближе. Сердце чуть не выскочило из груди — Мортон мгновенно сел прямо, ожидая кого-то увидеть. Зрение сфокусировалось не сразу, и на миг Мортону почудился темный силуэт, который проплыл мимо и испарился, не успев он и глазом моргнуть. Душа ушла в пятки, но,

разумеется, в гостиной никого не было. Наверное, это двигались доски в местах стыков; Мортон слышал, что старые дома порой издают звуки, до жути напоминающие шаги или голоса. Мортон расслабился, попробовал усмехнуться, снова опустил голову на угол дивана. В этот самый момент кожаное кресло, стоявшее напротив него, по другую сторону шахматной доски, негромко скрипнуло, словно в него кто-то опустился.

Это объяснялось просто — даже проще, чем стук половиц: воздух в обивке расширился, потом сжался согласно законам циркуляции согретого газа. Впрочем, Мортон не мог не смотреть на кресло, хоть и прищурившись, с глупо и бешено бьющимся сердцем. Ничего не двигалось. Кожаное сиденье приняло форму тела — тела мужчины, как подумалось Мортону, тощего, узкобедрого, привыкшего класть локти на мягкие подлокотники, — и на миг Мортон почти увидел его в кресле среди сгущающихся теней от языков пламени. Заморгав, он отогнал наваждение и снова глотнул бренди. Горячая сладость уняла дрожь в затылке. Наудачу он сделал глоток побольше, уселся удобнее и попробовал вернуть умиротворение, которое испытывал буквально секунды назад. Взгляд упал на шахматную доску.

Белая пешка была не на месте.

Мортон замер. Вместо того чтобы ждать в стройном ряду, пешка выдвинулась и теперь стояла отдельно от остальных, как при дебюте ферзевых пешек. Невероятно! Он ведь вернул ее на место, разве он не сказал про себя «жадуб»?

Но нет. Пешку он явно сдвинул. Он поднял ее, чтобы почувствовать вес, потом снова поставил, но, вероятно, не

на ту клетку, которую запомнил, только и всего. Это же совершенно естественно — поставить пешку на новое место, начать игру машинально, настолько машинально, что в памяти не отложилось, а сейчас смотреть на нее в ступоре и замешательстве... Мортон протянул руку, но она замерла над доской, словно врезавшись в лист стекла. Касаться пешки он не хотел. Вспомнились вес фигуры на ладони, легкая маслянистость, наведшая на мысль, что она из слоновой кости, а не каменная.

Мортон отдернул руку. Некий инстинкт заставил снова поднять глаза на затененное кресло: оно оказалось пустым, контуры сиденья — безликими, как у обычного старого кресла, обмятого за много лет использования. Электрический заряд, вибрировавший в позвоночнике Мортон, исчез, осталась только усталость. Так сказывались физическая перегрузка, возбуждение и — глянув на стакан, Мортон заметил, что выпил почти весь бренди, — неумеренность. Проглотив последние капли, он поставил стакан рядом с шахматной доской. Пора спать.

Спал Мортон тревожно. В спальне царил адский холод, а он, не пожелав залезть под одеяла, вместо этого лег на перину полностью одетым и накрылся своим пальто. Поэтому, наверное, неудивительно, что во сне он вернулся в дортуар своей школы-интерната и наполовину вспоминал, наполовину придумывал бесконечные шалости и проказы, которыми донимал своих однокашников. Когда проснулся — и сообразил, где находится, ибо яркие отголоски сна несколько минут застилали глаза как туман, — он подумал о кофе, горячей воде для бритвы и веселом огне в камине утренней столовой его пансиона. Мортон выругался.

Какой черт дернул его здесь остаться — хуже того, согласиться арендовать этот дом? Он неловко слез с кровати, заковылял по коридору и спустился по лестнице, издавая стоны.

Но когда он прошел мимо окна в холле второго этажа, настроение улучшилось. День выдался ясным, как алмаз; в лучах зари сад был серебристо-зеленым, топиарий казался чудом симметрии. В конце концов, обжиться в доме будет не так сложно. Растопленные каминные, чистые простыни, свежие продукты, порядочная служанка, и все — Мортон улыбнулся — его мечты осуществляются... Он торопливо спустился по лестнице, вышел на свежий, бодрящий воздух, минуту спустя ехал на велосипеде по подъездной дорожке, то и дело ныряя в тень деревьев, потом выбрался на дорогу, ведущую в деревню.

Утро сложилось весьма удачно. Если маклера и ошеломило, что Мортон не передумал снять черно-белый дом, то он замечательно это скрыл, а документы оформил так быстро, что Мортон не провел у него в конторе и четверти часа. Маклер даже дал Мортону адрес служанки, которая раз в неделю-другую протирает пыль в комнатах. Та, алчно сверкая глазами, согласилась готовить еду, которую Мортон мог разогревать, стирать, гладить и по мере необходимости заниматься другой хозяйственной работой. От ее дома Мортон покатил по Хай-стрит, радостно насвистывая. В этих краях он собирался поселиться временно, самое большее — на несколько месяцев, пока не улягутся страсти дома. Но, возможно, он останется подольше, а то и навсегда... Мортон заскочил на почту, чтобы отправить в пансион распоряжение: пусть перешлют его вещи сюда,

затем поехал завтракать в трактир. На сей раз он намеренно сел в другой стороне зала из-за непостижимого нежелания столкнуться с джентльменом, говорившим с ним накануне. Но день был ярмарочный, трактир кишмя кишел торговцами и фермерами, а когда толпа рассеялась и открыла Мортону обзор темного закутка в другом конце помещения, он увидел, что там пусто. Убрали даже стул и шахматную доску, предположительно, чтобы вместить больше людей.

На обратном пути к дому Мортон сделал большой крик, наслаждаясь физической нагрузкой и свежим ветерком на лице. Приехав, он обнаружил, что сын служанки, как и договаривались, оставил на крыльце мясной пирог и миску со сладко пахнущим пудингом. Мортон отнес еду в кухню и после долгих сражений растопил печь, торжественно присвистнув, когда закопченная громадина наконец покорила его воле. Чуть позднее у него появилась горячая вода. Запоздалые процедуры омовения он провел максимально качественно: полуокаменевшим куском старого мыла он воспользовался, а чужой бритвой не стал; потом, довольный тем, что домашние дела сделаны, прошел в библиотеку, разжег камин и начал исследовать книжные полки. Страстным книголюбом прошлый хозяин явно не был: Мортон снимал с полок книгу за книгой — сплошь красивые издания классики — и обнаруживал, что страницы не разделены. Мортон ставил их обратно, пока не наткнулся на небольшое издание в тканевом переплете. Это была скорее брошюра, чем книга, посвященная краеведению. Мортон переворачивал страницы, полные аккуратных зарисовок наиболее примечательных построек: церкви, ратуши и — ага! — самого черно-белого дома.

«Построен в конце семнадцатого века сэром Джеремией Чаяном, о котором не известно практически ничего, за исключением того, что соседи, подшучивая над фамилией, прозвали его Отчаяном... Позднее дом стал привлекать внимание благодаря саду паркового типа с изысканным топиарием, созданным его нынешним обитателем, мистером И. И. Чаяном, магистром гуманитарных наук Кембриджского университета, в память о сыне, который, унаследовав его страсть к шахматам, считался гением этой игры, но трагически погиб в юном возрасте...»

Мортон зевнул, перевернул страницу, но о доме дальше писалось мало, и в целом ничего интересного не было. Он устроился в кресле-лежаке, брошюра соскользнула на пол. После беспокойной ночи, поездки на велосипеде и свершений наступившего дня у него смыкались веки — Мортон задремал. Наконец он пробудился с ясной головой и желанием поужинать. Поднимаясь, он уже думал о мясном пироге и едва заметил брошюру на полу. Потом он вышел в коридор, закрыл дверь в библиотеку и забыл о ней окончательно.

После ужина, сытного, хоть и не особо вкусного, Мортон отправился в гостиную. Он вычистил колосник в камине, но довольно неловко, просыпав пепел на брюки, и решил: когда придет служанка, он велит ей развести огонь во всех комнатах. Затем он налил себе очередную порцию бренди, зажег свечи, потому что сгущались сумерки, и сел на то же место, что накануне вечером. Лишь тогда Мортон вспомнил краеведческую брошюрку и подумал, стоит ли идти за ней по продуваемому насквозь коридору. Пожалуй, нет, рядом же были «Чесс плеерс кроникл» и готовая

к игре шахматная доска. Наверное, если он задержится здесь надолго, нужно составить план, как коротать одинокие часы: за чтением или написанием писем. А прямо сейчас в «Кроникл» найдутся интересные задачи, которые займут его до тех пор, пока не сморит усталость. Мортон взял журнал, который случайно открылся на странице с задачами, полной клетчатых квадратов и условных знаков. «Автор: Р. Б. Уорлмолд, бакалавр гуманитарных наук, Лондон. Белые начинают и выигрывают в три хода». При беглом взгляде Мортон заметил соблазнительный вариант атаки: слон бьет ладью, но на последней горизонтали стояла пешка, которая одним ходом превращалась в ферзя. Мортон придвинул к себе доску, чтобы приступить к решению задачи и... Сердце екнуло.

С места сдвинули еще одну фигуру.

Мортон машинально кивнул: разыгрывалась голландская защита. Слоновая пешка выдвигалась на две клетки, кардинально меняя расстановку сил на доске, — такой ход считался агрессивным, но опасным из-за ослабления позиции короля... Однако это все так, к слову. Ни малейшей возможности, что он передвинул черную пешку сам, не существовало. Прошлой ночью он мог сослаться на забывчивость, даже на опьянение, но сейчас Мортон был предельно, до тошноты уверен, что черную фигуру не трогал. Тем не менее она выдвинулась. Две пешки смотрели друг на друга через горизонтали. Ответный ход. Словно незримый противник...

Мортон поднял взгляд на кресло. Затылок онемел, словно Мортон приготовился к шоку, но, разумеется, кресло пустовало. Перед ним было просто кожаное сиденье

с впадинами и складками — напоминанием о локтях и пальцах. Пустота. Мортон таращился на него, не желая моргнуть. Свет от камина мерцал, колебался, по стенам скользили тени, дерево блестело, гладкое, как стекло, незапыленное...

Мортон резко выдохнул. Здесь наверняка побывала служанка. Это она сдвинула черную фигуру. Или ее сын, когда принес еду. Да, скорее, это сын: служанка стара и невежественна, такие редко играют в шахматы. В любом случае это дерзость, клятая дерзость. Мортон вскользь подумал, что служанка могла толкнуть пешку тряпкой, когда протирала пыль. Нет, ход сделали обдуманно — в ответ на его дебютный ход, — такое вряд ли случилось по совпадению. Пешку явно сдвинули намеренно, и отличился явно мальчишка. Начатки образования у него наверняка имелись. Мортон стиснул зубы. Он ни на секунду не верил, что тот мальчишка хотел сыграть в шахматы почестному; мальчишки — маленькие негодяи. Нет, сын служанки хотел его разозлить. Как он смеет?! Мортону вспомнилась подобная затея в школе, которая прошла успешно, слишком успешно. Сейчас он на подобное не поведется.

Посмотрев на доску еще секунду, Мортон быстрым движением поставил королевскую пешку на клетку рядом с ее подругой. Гамбит Стаунтона: принесение в жертву пешки ради развертывания атаки на черного короля. Это покажет маленькому хулигану, что он не испугался. Мортон откинулся на спинку кресла и потер ладони о бедра, представляя разочарование на лице мальчишки, когда тот поймет, что противник не дал себя запугать.

Однако удовлетворение было мимолетным — едва почувствовав его, Мортон поднялся, подошел сначала к серванту, потом к окну. Он раздвинул шторы, но облака заслонили луну и звезды, поэтому виднелись лишь черные расплывчатые пятна деревьев на фоне хмурого неба. Сделав ответный ход пешкой, он лишь поощрит мальчишку, а Мортону этого совершенно не хотелось. Задумавшись, Мортон постучал ногтями по стеклу, но в тиши гостиной стук звучал странно, поэтому секундой позже он опустил руку. Самым достойным ответом было бы поставить фигуры на место или, еще лучше, убрать их с глаз долой. Мальчишка вряд ли спросит, что с ними случилось, так ведь? Самому Мортону решать шахматные задачи расхотелось, от присутствия доски мороз пробирал по коже, как от угрожающего взгляда. Мортон повернулся к доске. Нелепость полная, но он искренне пожалел, что сделал ответный ход.

Свечи догорали. Самая короткая вспыхнула, язычок пламени судорожно вытянулся. На глазах у Мортоня тени в углу прожорливо подались вперед, пламя сжалось в крохотную синюю точку и погасло. На секунду, пока глаза приспособлялись, ему показалось, что отметины на кресле стали заметнее — будто сосуд наполнился дымом, — и беглому наблюдателю могло померещиться, что там кто-то сидит. Внутри у Мортоня что-то сжалось; с внезапной решимостью он подошел к шахматной доске, потянулся к ящику и беспорядочно покидал в него фигуры. Отделений было два, для черных и для белых, однако Мортон их проигнорировал: он давил и давил на крышку, пока что-то не сломалось — это у слона голова отлетела? — и крышка не захлопнулась. Хлопок эхом отразился от стен. Никогда

в жизни Мортон не бросал начатую игру, никогда не просил пощады, никогда не признавал слабости. А вот сейчас, даром что был один, он чувствовал непонятную смесь стыда, непокорности и — чуть глубже — нарастающую тревогу. Еще одна свеча накренилась — вот-вот оплывет. Мортон вздрогнул. Сидеть здесь одному среди трепещущих отблесков каминного пламени было невыносимо. Судорожно схватив подсвечник, он вышел в коридор. По спине бежали мурашки, но оглянуться он не осмелился.

* * *

Заснуть долго не удавалось. Мортон презирал тех, кто без нужды размышляет о прошлом. Но почему-то перед мысленным взором снова и снова мелькали воспоминания о школе. Вспоминался мальчишка, которого до оторопи пугали их выходки, — Симмс Майнор или, как его там, Симмонс? — вспоминались его круглые от ужаса глаза; ночь, когда он просил Мортонна о помощи... Мальчишка был слабак... С насмешками хулиганов ему следовало обходиться так же, как Мортон обошелся с шахматными фигурами, — отметить с презрением. Именно это к лицу мужчине. То несчастье — вряд ли оно случилось по вине Мортонна. Тем не менее Мортон чувствовал себя очень неуютно — ворочался и метался по перине, плотнее заворачиваясь в пальто.

Однако сон его сморил-таки, потому что позже он проснулся. Тишина стояла необычная — такая же, какая поразила его, когда он впервые увидел дом за прутьями ограды.

Казалось, прислушивается сам мир. Мортону почудилось, что разбудили его некий звук, теперь исчезнувший, или движение в комнате, словно в паре футов от кровати прошел человек. Второе объяснение не годилось, потому что, сев в кровати, Мортон убедился, что определенно был один. Луна вышла из-за облаков и светила в окна, рисуя на полу черно-белые квадраты.

Мортон плотнее запахнул пальто на плечах и свесил ноги с кровати. Босым ступням пол показался ледяным, но Мортон встал и бесшумно подкрался к окну. Там он застыл, дожидаясь, когда звук раздастся снова. Но не было ничего, даже крика совы или шороха сквозняка, проникающего в щели оконных рам. Неужели бездонная тишина пробудила его ото сна? Нет, он был уверен, почти уверен, что услышал какой-то звук. Мортон попробовал описать его себе как негромкий скрежет, как резкий скрип, что-то среднее между камнем и деревом. Глядя сверху вниз на тисы, он чувствовал пространственную дезориентацию, со страхом не связанную. Призрачный свет, четкость очертаний, густота теней... Пространство сжалось, и на полную дурноты секунду шахматные фигуры стали одновременно большими и маленькими, по размеру его ладони. Мортон закрыл глаза, но голова закружилась так, что он поспешно открыл их. В бледном свете луны тени снова затрепетали, будто шевелясь.

Мортон схватился за оконную раму. Ему показалось, буквально на миг почудилось... Нет, нет, ничего не сдвинулось. Тисы стояли стройными рядами, как им и следовало, и это должно было успокоить, но у Мортоня сильно, до звона, заложило уши. Если бы он заметил, что один

из тисов выдвинулся вперед — скажем, пешка скользнула по серебристой глади травы, — то понял бы, что галлюцинирует, и испытал бы чуть ли не облегчение. Но это ожидание, эта тяжесть воздуха, эти неподвижные деревья, эта начатая игра были невыносимы, пугающи или того хуже. Мортон не мог отвернуться.

Он не знал, сколько простоял так, глядя на фигуры, в ожидании неслучившегося. Наконец он почувствовал, что луна села за дом, в трубе шумит ветерок, а ноги окоченели. Он доковылял до кровати и уснул неожиданно быстро, словно устав от упорной борьбы.

Разбудил Мортон стук. Сонный, он спустился по лестнице, протирая глаза, прошагал по коридору и распахнул парадную дверь. На пороге стоял мальчик с формой для пудинга и коричневым свертком в руках. Мальчишка протянул свою ношу Мортону.

— Пустую посуду, — буркнул он.

— Что?

— Мама велела забрать пустую посуду.

— Завтра заберешь, — сказал Мортон и стал закрывать дверь.

— Завтра вас снегом занесет.

Мортон замер. Открыв в полусонной спешке дверь, он мало что заметил, но ветер действительно стал сырым, а низкие облака висели ровным слоем.

— Ладно, — проговорил Мортон. — Жди здесь. — Вскоре он вернулся с пустой миской и блюдом из-под пирога и протянул их мальчишке.

Тот переминался с ноги на ногу, словно хотел в туалет, потом схватил грязную посуду, сунул в заплечный мешок

и, не сказав больше ни слова, развернулся, чтобы уйти. Его спешка, хоть и не была дерзкой, задела Мортон за живое: в конце концов, он же платит матери этого мальчика, верно?

— Эй, куда так спешишь? — остановил его Мортон. — Это ты в гостиной нахулиганил? Ничего у тебя не выйдет, прекращай.

Мальчишка уставился на него.

— Я в доме не был, — проговорил он после паузы.

— Значит, твоя мать. Я же не идиот. — Мортон свирепо взглянул на мальчика, но тот выдержал его взгляд с совершенно непроницаемым видом. — Передай ей, пусть ничего без разрешения не трогает. И как вчера не делает. Просто пусть чужих вещей не касается, ладно?

— Вчера мама в дом не заходила. Она убирается только по воскресеньям. По воскресеньям здесь ничто не движется.

— Что?! — воскликнул Мортон, но мальчишка не ответил. Он поднял плечи, затем снова опустил. — Тогда это садовник. Здесь ведь есть садовник?

— У него даже ключа нет. Он только деревья стрижет.

— Ну, тогда кто бы это ни был, — продолжил Мортон. — Если поймаю их...

Мальчишка все таращился на него, кусая губу. Наконец, словно Мортон упустил какой-то шанс, он отвернулся, прошел по подъездной дорожке, вперив глаза в землю, а за последним рядом тисов бросился наутек.

Мортон наблюдал за мальчишкой, пока тот не захлопнул ворота и не исчез из вида на дороге. Потом, задрожав, Мортон повернул к дому. Теперь, когда спешки не было, он почувствовал металлический запах снега. Возможно,

оставаться здесь глупо; наверняка комната в «Лебеде» была бы веселее... Но это означало бы поражение. Мортон вернулся в гостиную, хлопая себя руками, пытаясь согреться, и опустился на колени перед камином, чтобы развести огонь. Голова болела, руки окоченели, Мортон долго возился со спичками и обрывками газет, прежде чем огонь занялся. Он без сил опустился на диван. Похоже, у него начиналась какая-то болезнь: ни есть, ни пить не хотелось, хотя, взглянув на часы, Мортон выяснил, что долго спал, потому что давно перевалило за полдень.

За окном пролетела одинокая снежинка, бледная на фоне серого неба. Мортон захлопал глазами, гадая, не шалит ли зрение, но вот мелькнула еще одна, потом еще, и вот уже вихрящаяся пелена скрыла низкие облака. Понемногу Мортон расслабился. Так уютно сидеть у огня, потрескивающего в камине, пока на улице бушует неслышная тебе буря. Мортон впал в какой-то транс, наблюдая за белым танцем метели, за тем, как клубятся за окнами почти материальные фигуры. На этот раз — вероятно, потому, что на улице было холоднее, чем прежде, — стон и ропот тепла, растекающегося по комнате, звучали громче и отчетливее. Скрипели петли, по половицам стучало нечто, очень похожее на шаги, скрипело кресло... Мортон машинально повернул голову, хотя знал, что в кресле никого не окажется.

На столе стояли шахматы.

В ушах загудело. Мортон сделал судорожный вдох. У него, конечно же, галлюцинации, но нет, фигуры совершенно явственно стояли на доске: вот слон со сколом на шее, появившимся, когда Мортон слишком небрежно засунул его в коробку. Вон четыре пешки, стоящие не на месте: две

белые, две черные. Кто-то старательно расставил фигуры и сделал очередной ход. Кто-то, побывавший в доме. Кто-то, но не служанка, не ее сын и не садовник.

А ведь когда Мортон опустился на колени, чтобы разве-сти огонь, доски с фигурами не было.

Мортон сидел словно окаменев. Хотелось зарыдать или выбежать из комнаты, но ни то, ни другое не получалось. Долгую, ужасную секунду он думал, что не шевельнется никогда. Потом наконец ощутил прилив гнева, достаточно сильный, чтобы прогнать парализовавший его страх. Мортон бросился к доске, дрожащими руками сгреб фигуры в ящик, нагнулся за укатившейся на пол пешкой. На коленях доползши до камина, он бросил в огонь ящик со всем его содержимым. Под новым весом пламя пригнулось, и испугавшийся Мортон потянулся за кочергой. Но вот оно взметнулось снова, заплясало вокруг ящика, впиваясь в углы и лежащие сверху фигуры. Темные короны, башни, лошадиные головы замелькали на фоне красно-золотого зарева. Потом фигуры окутало пламя, их силуэты исчезли, гостиную заполнил мерцающий свет от камина. Радость победы захлестнула Мортон. Тяжело дыша, он опустился на диван, потом посмотрел в угол, и у него перехватило дыхание.

В кресле сидел старик.

Злобный, нетерпеливый, голодный старик, сотканый из теней и пустот; присутствующий и отсутствующий, сморщенный, тощий, но грозный, желающий одного — выиграть...

Мортон не понял, ни как поднялся, ни как пробрался к двери гостиной, потом в коридор, затем ощупью к парадной двери и за порог. Он не знал, как выполз на снег, звал

ли на помощь, преследовал ли его жуткий, призрачный старик. Мортон осознавал лишь собственное бессилие и страшную, отчаянную панику, лишь чудовищный груз своих ошибок и невозможность исправить их ни сейчас, ни когда-либо.

* * *

Мало кого удивило, что Мортон не захотел жить в черно-белом доме; охотников и прежде не находилось. После смерти старого хозяина лишь несколько человек задержались под крышей этого дома дольше чем на пару часов; все исчезли, никого не предупредив, и не вернулись. Местные жители сошлись во мнении, что Мортон, как и другие, счел атмосферу дома неприятной, собрал вещи и отправился восвояси. Те, кто с радостью игнорировал существование дома, с неменьшей радостью проигнорировали исчезновение Мортон. Если бы не снег, никто, даже маклер, не вспомнил бы о нем лишний раз. Так вышло, что о судьбе Мортон беспокоился лишь Робби, сын служанки; мальчик выдал такую чудную историю, что мать строго-настрого велела ему держать язык за зубами.

Судя по всему, наутро, когда метель стихла и взошло солнце, Робби выбрался из дома поиграть. Окружающий мир был ослепительно-белым, небо — сине-золотым в лучах зимнего солнца, поэтому Робби забрел далеко, бесцельно бросая снежки и продираясь сквозь сугробы. Наконец, повернув обратно, мальчик оказался у задних ворот черно-белого дома. Дрожа, он остановился, чтобы заглянуть

за прутья ограды, и увидел... нечто. В итоге любопытство пересилило привычную опаску по отношению к этому месту, и мальчишка пробрался на ослепительно-белую территорию, чтобы посмотреть поближе.

Робби увидел следы человека, тянущиеся от парадной двери: смазанные ветром и припорошенные снегом, но легко узнаваемые. Мортон шел — скорее всего, бежал — по прямой, пока не оказался среди рядов тисов, а потом... Потом, по словам Робби, следы менялись; прямая превратилась в ломаную, в зигзаг, словно Мортон петлял, подобно угодившему в лабиринт, то и дело падал и с трудом поднимался. Если его преследовали, то преследователь следов на снегу не оставил. Самым странным Робби показалось, что следы обрывались у высокой туи, будто Мортон безвозвратно исчез, съеденный черным королем.